Оглавление

ПРОЛОГ. Люди и пространство 12

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Герои

Место встречи изменить нельзя 16

Копьё Пересвета 18

Точно так же на том же месте 20

Несбывшийся подвиг 22

Ушедшие от орла 24

Ангел географии 26

Храм демиурга 28

Река Ермака 30

Потрясение трясин 32

Меховой эмират 34

Коренная ханская земля 35

Русские в Сибири 36

Выбор Ермака 38

Беззавистный апостол 40
Последний герой 42
От Мастера к Мастеру 44
Слово «слобода» — от слова «свобода» 46
Против солнца первая застава 48
Плывущий на камне 50
Былина 52
Из армии в Биармию 54
Клады Биармии 56
Накормить демона 58
Истинные арийцы 60
Портал в небо 62

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Заводы

Тени воевод 66
Первый среди равных 68
Фарт и фартук 70
Плевать на кости 72
Горный завод 74
Железный пояс Урала 76
Артиллеристы 78
Земля и воля 80

Яма глубокая 82
Приходящие на Акзират 84
Красные кафтаны 86
Экспедиция в преисподнюю 88
Соколы фарта 90
Государыня-благодать 92
Полёт павлинов над горами 94
Предчувствие гражданской войны 96
Казачий проект 98
Явление независимости 100
Тадж-Махал для полевого командира 102
Лидер 104
Военно-заводской режим 106
«Железные караваны» 108
Весна рукотворная 110
Сиятельный альянс 112
Царство за полконя 114

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. Мастера

Естественные магниты 118
Весна сердца 120
Роман с камнем 122
Горы внутри 124
Хозяйка самоцветов 126
Чугунная муза 128
Неверие в своё 130
Здесь и ненадолго 132
Чудотворные пароходы 134
Огненная купель 136
Кержаки 138
Мегалит веры 140
Христы в темницах 142
Страшнее сказки 144
Храм Богоявления на фузеях 146
Убиенные родители 148
Горы «не ходи!» 150
Баба — золото — огонь 152
Звериный стиль 154
Сказание о Звере Мамонте 156
Подземное время 158

Подземный хлеб 160
Два Усолья 162
Король прибыл 164
Дикое счастье 166

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. Матрица

Канава 170
Избавиться от Царь-пушки 172
Артиллеристы-капиталисты 174
УГЖД и т.д. 176
Выйти из-под контроля 178
Честь купеческая 180
Уральское как российское 182
Инженеры 184
Через пороги 186
На грани 188
Эшелонная война 190
Дешевле милости 192
Отступая и выжигая 194
Острова архипелага 196
Истребление собственников 198
Время, назад! 200

Укрощение «тигров» 202
Атомный Урал 204
Право первородства 206
Бриллианты для диктатуры пролетариата 208
Родина безродных 210
Слава труду 212
Не без нефти 214
Автоматчики 216
Quo vadis? 218

ХРЕБЕТ РОССИИ

ПРОЛОГ

Люди и пространство

Люди живут на земле, жизнь размещается в пространстве. Земля, территория, пространство не могут не оказывать влияния на судьбу и мышление общества. «Единолики» только современные мегаполисы. Но вне урбанистической глобализации мир очень разный, и его части совсем не похожи друг на друга.

Чем больше природное своеобразие какого-либо региона, тем своеобразнее история и мировоззрение жителей этого края. Прописная истина, которой Россия пренебрегает, разделив себя на яркие столицы и «никакую» провинцию. Урал — он из разряда «никаких». Ничто посреди нигде. Но даже школьная география настойчиво стучит пальцем в гладкие лбы: Урал необычен, Урал уникален. Путаница рек, хаос невысоких гор, чащи, болота, чужие народы...

При каждом рывке вперёд толчковая нога России упиралась в Урал. Обрести его было весьма непросто. Русские вживались в Урал полтысячелетия. Но и Урал полтысячелетия перековывал пришельцев под себя. Потому что освоение Урала русскими — промышленное, а промышленность требует так организовать жизнь, чтобы приноровить её

к местным условиям, иначе работа не пойдёт. Особая организация жизни влечёт за собой и трансформацию жизненных ценностей. Конечно, зло не становится добром, а рабство — свободой. Базовые установки остаются прежними, русскими. Но меняются их соотношения и взаимодействия, меняются точки зрения и степень значимости. И неудержимо формируется сложный комплекс местных представлений о мире и человеке.

Этот местный комплекс представлений можно назвать «*уральской Матрицей*». *Матрица* — набор характерных способов существования, которые актуальны здесь всегда. Набор оправданных опытом стратегий поведения, личного и общественного. Набор параметров местной идентичности.

Можно не соглашаться с самобытностью Урала, считать её не системной, а эпизодической, то есть отрицать наличие *Матрицы*. Как угодно. Книга расскажет об Урале достаточно, чтобы читатель делал выводы сам.

В бытовой повседневности сложно разобраться, чем Урал отличается от России — оставаясь тем не менее Россией. Дело в том, что *уральская Матрица* — лишь вариант русской и уральский мир — грань кристалла русского мира. А камнерезы Урала знают, что чем больше у самоцвета граней, тем ярче его блеск.

Уральская Матрица не хорошая и не плохая. Но её можно обратить во зло. История чаще склонялась именно к такому решению. И тем не менее счастье уральца — жить здесь по тем правилам, которые органичны, и так, как выпало по судьбе. Быть здесь нужным и востребованным. Двигаться вверх, не отрываясь от земли. В горах это возможно. Даже в невысоких.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Герои

Место встречи изменить нельзя

Здесь тайга тряслась от лихорадки. От платиновой лихорадки. Маленькую речку Полуденку раздёргали на ручейки, словно шнурок на нитки, — подводили воду к промывальным машинам. Грунт для машин гребли отовсюду, даже с кладбища деревни Крестовоздвиженской. Крупинки платины вымывали из гнилых человеческих костяков. Тысячи старателей били кайлами слежавшийся суглинок.

А ночью в низких щелястых балаганах при свете лучин шлёпали по доскам нар засаленные карты, в бутылях толстого стекла бултыхался мутный самогон, заскорузлые ладони пересыпали драгоценный песок, ногу студил нож за голенищем. Это был Клондайк по-русски: каторжный, угрюмый, безнадёжный.

На русском Клондайке работал русский Джек Лондон. Тогда, в 1900 году, его звали Сашка Гриневский. Как и Джек, он уже побывал моряком и бродягой. Джеку на Клондайке исполнился двадцать один год, а Сашке на Полуденке — двадцать лет.

Из таёжной котловины прииска, над лубяными кровлями балаганов, над вшивыми головами старателей, вдали, за лесами, Сашка видел острые каменные зубцы этой горы — горы Колпаки. На закате они становились алыми — как те паруса, о которых писатель Александр Грин напишет через двадцать лет в Петрограде, таком же рваном и диком, как Крестовоздвиженский прииск.

В своей автобиографии Грин признается, что сочинять он начал на Урале. Сказка нужна была как компенсация — слишком страшен оказался быт. На платиновых россыпях Полуденки в душе искателя фарта встретились Чёрное море и чёрное горе — и породили феерию будущих романов. Потому что такова судьба Урала: быть *местом встречи* и порождать что-то новое. Преображать.

Урал — *место встречи* Европы и Азии. Граница. И это не умозрительная линия вроде Гринвичского меридиана. На Среднем Урале её можно проследить по самым высоким горам — таким, как гора Колпаки. Цепочка высоких гор стоит на великом водоразделе бассейнов Волги и Оби.

Но Урал не столько разделяет, сколько соединяет. Не разрезает, а сшивает. Сваривает, как электросварка. И то, что преображается или рождается на *месте встречи*, не является механической суммой своих составляющих. Оно оказывается новым и небывалым продуктом. Так олово и медь, соединяясь, рождают не медно-оловянный сплав, а новый металл — бронзу.

Урал — это плавильная печь, производящая новые образы и смыслы. В судьбе Александра Грина Урал породил новый смысл — литературное творчество. Быть может, и новый образ — алые паруса. А в своей собственной истории Урал, *место встречи* Европы и Азии, Руси и Сибири, породил атланта, который поднял над ним русское небо, — Ермака. Преобразил его из разбойника в героя.

Урал — место встречи Европы и Азии. Граница. Но Урал не столько разделяет, сколько соединяет. Такова судьба Урала: быть местом встречи и порождать что-то новое. Урал — это плавильная печь, производящая новые образы и смыслы

Копьё Пересвета

Плоский и пустой остров в низовьях реки Чусовой — узкий и длинный, словно копьё Пересвета. Это всё, что осталось от городка, из которого вышла в путь Ермакова дружина. Городок назывался Чусовским. Год его рождения — 1568-й.

Тогда ещё здесь был берег, мыс. Солепромышленники Строгановы поставили на мысу деревянную крепость с частоколами и башнями, с храмом, господским теремом и амбарами. Сквозь бойницы на Сибирь глядели пушки и пищали. Через четырнадцать лет стрельцы прокопали канал и превратили мыс в остров.

А в середине XX века тут гомонило большое село. Среди изб громоздились старинные каменные храмы и палаты Строгановых, заброшенные бревенчатые башни соляных варниц и печные трубы изразцовых промыслов. Но в 1953 году все постройки начисто снесли. На близкой Каме сооружали ГЭС, и скоро над островом былого Чусовского городка схлопнулись волны водохранилища. Ныне бывает, что водохранилище мелеет, и остров городка всплывает, как маленькая Атлантида.

Здесь был край Руси — и в пространстве, и во времени. В 1580 году Ермак уходил отсюда в Сибирь — и в будущее. В Россию. Ведь царство Ивана Грозного было Русью, а поляков в 1612 году изгоняли уже из России. Где же родилась Россия? У фонтана, где Лжедмитрий любезничал с Мариной Мнишек?

Россия рождалась на костромских болотах, по которым брёл Иван Сусанин. Рождалась на берегах Волги, где в Нижний Новгород сзывали ополчение Козьма Минин, князь Пожарский и архимандрит Дионисий. И в Москве тоже — где в келье Чудова

монастыря умирал несломленный патриарх Гермоген. Но ещё и на Урале, где атаман Ермак прорубил ворота в Азию — за 120 лет до окна в Европу.

С обретением Сибири Московское царство превратилось в евроазиатскую державу. Эпоха Смуты была эпохой перезагрузки: смена статуса потребовала смены программного обеспечения. А Урал, *место встречи* Руси и Сибири, в новой стране переформатировал сам себя, преобразился, сам для себя породил новый смысл. Из окраины, границы державы, он стал её сердцевиной — хребтом.

На островке Чусовского городка Русь заканчивалась не только потому, что обретала

новые территории и новое значение, но и потому, что Ермак разгромил сибирского хана Кучума — прямого потомка Чингисхана. Для Кучума, наследника Орды, Русь была утраченным улусом, а русские — беглыми рабами. Уходя на бой с последним чингизидом, Ермак шёл разгонять последний морок татарского ига. История потребовала поставить точку. И Ермак её поставил.

Миссия Руси завершилась. Орда была добита. Но вместе с Ордой растаяла и сама Русь, как вместе с Челубеем погиб и Пересвет. А Ермака, последнего богатыря Руси, на подвиг снарядили первые граждане новой России — Строгановы.

Здесь был край Руси — и в пространстве, и во времени. Ермак уходил отсюда в Сибирь — и в будущее. В Россию. Потому что Русь кончается на островке Чусовского городка

Точно так же на том же месте

Строгановы считались «гостями» — купцами первого разряда. Но уже в 1610 году они придумали себе особое звание: «именитые люди». «Именитые» — потому что с родительским именем. То есть чтобы к ним обращались по имени-отчеству. За отчество они заплатили правителю Василию Шуйскому двести тысяч рублей — столько тогда стоили Смоленск или Суздаль.

Эти расходы — не спесь и не блажь. Отчество конвертировалось в отечество. Такова была гражданственность в понимании той эпохи. Строгановы всегда держали царя под локоток. Их карман всегда был открыт для державной десницы. Потом, когда европейская культура отшлифует манеры, Строгановы пояснят всё это своим дворянским девизом: «Отечеству — богатство, себе — имя».

Строгановы не скупились для государства, а государство не скупилось для Строгановых. Основателю рода — Анике — благоволил сам Иван Грозный. С регулярностью принтера царская канцелярия выписывала сыновьям и внукам Аники жалованные грамоты, наделяя всё новыми землями. Владения Строгановых по площади равнялись европейским королевствам. Причина такой *милости государя* проста: дешевле подарить эти земли, чем осваивать их за казённый счёт.

Прародиной Строгановых был Новгород, а родиной — город Сольвычегодск. Аника с тремя сыновьями пришёл на Каму в 1558 году. Но в предгорьях Урала Строгановы собирались жить всегда, а не «вахтовым методом». Поэтому строили они не только соляные варницы, но и крепости. Сибирское ханство не пожелало терпеть конкурента, и отряды сибирцев через уральские перевалы потекли в набеги. В стены строгановских городков долбились татарские штурмы.

А Грозный для защиты восточных земель своего царства тратил не золото, а чернила. Строгановы получили право вести самостоятельную политику и ставить таможни, изготовлять порох и владеть войском. Так родилась строгановская *держава в державе*: частное государство с частной армией.

Высоко на реке Чусовой, на пути в Сибирь, в 1574 году Строгановы поставили маленькую сторожевую крепость — острожек Каменку. Через 410 лет Свердловская киностудия будет присматривать площадку, чтобы соорудить исторические декорации, и наткнётся на деревню Каменку. Для крепости сложно отыскать место более красивое и правильное, чем у Каменки на Чусовой. И бревенчатый острожек опять увенчает вершину горы, как во времена Строгановых.

Это странное свойство Урала, похоже, вмонтировано в ландшафт. Теряя в памяти, Урал восстанавливает свои образы и смыслы, исходя из свойств ландшафта. *Ландшафт — генокод Урала*, который на Урале что угодно всё равно отформатирует так, как здесь и должно быть.

Развалины кинодекораций на вершине камня Каменский на реке Чусовой

Через четыре века после Строгановых бревенчатый острожек опять увенчает гору над Чусовой. Теряя в памяти, Урал всё же восстанавливает свои образы и смыслы, исходя из свойств ландшафта. Ландшафт — генокод Урала

Несбывшийся подвиг

Держава Строгановых была крепка не только пушками дружин и кошелями хозяев, но ещё и молитвой. Строгановы быстро поняли, что без Божьей помощи им на Урале не выстоять. Рядом со своей столицей Аника Строганов возвёл монастырь — в нём он потом и укрылся от дел, приняв монашеский постриг. Вместе с монастырём Строгановы обрели право крестить местных инородцев.

Явился и миссионер. Он пришёл как бродяга-знахарь, совсем молодой парень. На руках могущественного Аники тогда умирал от лихорадки любимый внук Максим. Травами и молитвой бродяга излечил мальчишку — и получил от Аники протекцию в монастырь. Здесь его постригли в монахи под именем Трифон.

И началась неистовая карьера Трифона. Ему было мало обычных послушаний — он ещё и сам, голый, молился на болоте, отдавая себя на съедение гнусу. На диком камском берегу Трифон срубил «идоложертвенное дерево» язычников. В этих местах потом вырастет город Пермь, и пермские археологи сто лет подряд на поприщах Трифона будут раскапывать языческие святилища с тысячами даров. А Трифона за его подвиги изгнали из монастыря. Причина — зависть братии.

Изгнанный Трифон возвёл собственную обитель возле Чусовского городка. Молитва инока творила чудеса: в соляные колодцы вернулся рассол, а татарский воевода Маметкул, посланный ханом Кучумом на сокрушение городка, отступил прочь. Но дьявол не дремал: неугомонный Трифон по недосмотру спалил дрова для варниц. Разъярённые дровосеки сбросили монаха с берега в Чусовую. Трифон выплыл и кинулся за защитой к Максиму Строганову, которого когда-то спас, но Максим приказал монаху убираться вон. И Трифон ушёл на Вятку.

Там он построил новый монастырь. Но чёрт дёрнул Трифона постричь в монахи Григория Отрепьева. Трифон поверил, что Гришка — спасённый царевич Дмитрий, а потому и укрывал самозванца. После Смуты за эти прегрешения Трифона в третий раз изгнали из обители. Сюда он вернулся уже только умирать.

На Вятке Трифон и упокоится навеки. Мечта мятежного монаха исполнится в 1690 году: его причислят к лику святых как Трифона Вятского. Ныне его мощи — в соборе Вятского Успенского монастыря. А для Урала Трифон остался героем эпохи титанов. Он и сам осознавал своё значение: в его келье братия нашла икону, на которой Трифон изобразил самого себя, и тетрадку, где он записал своё житие.

Трифону всегда не везло. И промашка с Лжедмитрием — не самая главная. Трифон рвался к подвигу крестителя: крестителя Урала, или Вятки, где до него не было монастырей, а лучше всего — Сибири. Но Трифона вышвырнули с великих поприщ именно тогда, когда струги Ермака уже бороздили камские волны. И вдохновителем Ермакова похода стал не Трифон, а Максим Строганов.

Храм Успенского монастыря на реке Чусовой

Ушедшие от орла

На Каме стояла строгановская столица — Орёл-городок. Мощная деревянная крепость, о которую ломали зубы «буйственные и храбрые и сильные мурзы и уланы Сибирской земли» — так писал строгановский летописец. Строгановы сами дрались на стенах, когда подступали «злокозненные дьяволы», «яростию многою наполненные и зверострашием объятые». Эти слова до сих пор дрожат от ужаса, вложенного в них пером безымянного уральского монаха.

Собственное войско Строгановым не помогло: стрелецкую тысячу забрал себе Грозный. Надежды на Москву не оставалось: совсем недавно изнемогающий Соликамск попросил у Грозного подмоги — и получил икону. И тогда весной 1579 года трое Строгановых — Семён, Никита и Максим — собрались в Орле-городке на совет и решили призвать на помощь волжских казаков. Больше было некого.

Казаки считались особым сословием Руси. Беглые холопы, они сбивались в ватаги и лиходейничали по границам — на Волге и на Дону, в Диком Поле. Казаки грабили татар, тем и кормились. Когда Грозного прижимала нужда, он нанимал казачьи сотни и отправлял на врага вместе со своими полками. Когда татарские ханы за бесчинства казаков угрожали Руси карательными походами, стрельцы отлавливали ватажников и сдавали татарам на расправу.

В 1579 году волжским казакам пришлось особенно туго. На Волге бушевал черемисский бунт. Его раздували степные ханы. Орлёные струги стрелецких полков бороздили волжские плёсы, а ханам Грозный пообещал перевешать казаков, чтобы ханы не помогали бунтовщикам. Для царских воевод все сделались одной масти: и ватажники, и черемисы. И тут пяти атаманам доставили письмо от Строгановых. Несложно было выбрать между двуглавым орлом и Орлом-городком.

Пять атаманов вместе с ватагами сошли с парусных стругов на строгановский берег. Среди этих пяти был и атаман Ермак. Строгановы изложили атаманам свой план: они, Строгановы, дают пушки, порох и припасы, а казаки идут на Иртыш и громят столицу Кучума. Вся добыча — казакам, лишь бы уняли сибирцев.

И атаманы согласились. Под их рукой было всего-то семь-восемь сотен головорезов, но казаки плевали на тысячи вёрст пути и десятки тысяч татарского войска. Осенью 1579 года казачьи отряды на стругах вышли в путь вниз по Каме.

На волнах не остаётся следов. В XVIII веке Кама подмоет Орёл-городок, и его башни ссыплются в воду. Нынешнее село Орёл вырастет уже на другом берегу. И с этого берега не услышать ответа на вопрос, как звали Ермака Тимофеевича в крещении и откуда он был родом. Но Урал верит, что Ермака звали Василием Алениным, а родом он был из Чусовского городка. Потому он и отыскал дорогу в Сибирь по уральским рекам. Хотя получилось это непросто и не сразу.

История довела образ Ермака до совершенства. Безвестный, он пришёл с волжских волн и ушёл в волны реки Вагай. Кама поглотила Орёл-городок, а Иртыш поглотил Искер. История бросила концы в воду

Памятник Ермаку в Орле-городке

Ангел географии

Историю Урала не понять без его географии. *Ландшафт — генокод Урала*, а географическая карта — законы драматургии. Многое бы случилось по-другому, если бы иначе легла речная излучина или гора стояла не на том месте.

Ермак отправился в Сибирь. Он не искал дороги — все дороги давно уже были известны. Они пролегали по рекам западного и восточного склона с волоком через гребень Урала. По этим путям туда-сюда через хребет сотни лет ходили местные инородцы — вогулы, манси. Ходили в набеги, на торг или на поклонение своим святыням. А Ермак искал такую дорогу, которая оказалась бы ему пригодна.

Ведь вогулы плавали по рекам на лёгких лодках из кожи или бересты. На речном перекате такую лодку можно было взвалить на плечо и перешлёпать отмель по дну. А казаки ломились на боевых стругах. В каждом струге сидело человек по двадцать гребцов — с пушками, пищалями и припасами. Тяжёлые, как утюги, струги не продерутся там, где пролетают лёгкие как пёрышки лодки.

Атака на стругах была тем ноу-хау, благодаря которому казаки надеялись разгромить сибирскую столицу. Это была тактика волжских ватажников. Конные татарские полки, закованные в броню, оказывались бессильны против стремительной речной флотилии: танки не сражаются с торпедными катерами.

Ермак искал речной путь, подходящий для стругов. Из Камы он повернул в Чусовую, а из Чусовой почти сразу же в реку Сылву. И по Сылве прошёл вверх на полторы сотни вёрст, пока не убедился, что Сылва слишком мелкая. Возвращаться было уже поздно: начинался ледостав. И казаки присмотрели место для зимовки.

На вершине прибрежной Ледяной горы, которая сейчас находится на окраине города Кунгур, лежало заброшенное городище IX века. Казаки вбили в древний вал новый частокол и выкопали себе землянки. Чтобы не затаскивать пушки на верхотуру, их спрятали в пещере у подножия горы. Так и зазимовали. С тех пор городище на Ледяной горе называется Ермаковым. А в XIX веке в вечных льдах Кунгурской пещеры вдруг отыщутся два забытых ядра из пушки ермаковцев.

Сибирский хан Кучум прознал о планах Строгановых и решил ответить превентивным ударом. Сын Кучума хан Алей весной повёл войско на Чусовской городок. А Ермак весной спустился обратно по Сылве в Чусовую и отбил отряды Алея. Ермак знал топографию: казаки остановили царевича на большой излучине Чусовой, ночью перетащили струги через перешеек и врубились сибирцам в тыл.

Обжёгшись на Чусовой, Алей укатился на Каму, на Соликамск и Кай-городок — компенсировать свои потери другой добычей. А Ермак рванулся к Сибири, что оставалась без защиты. В Чусовском городке Ермака уже ждал Максим Строганов: Строгановы поверили в ангела атамана. Но ангел просто знал географию.

Ермак для Урала — даже больше, чем культовый герой. Он был везде и везде побеждал татар. Он зимовал во всех пещерах и насыпал валы всех городищ

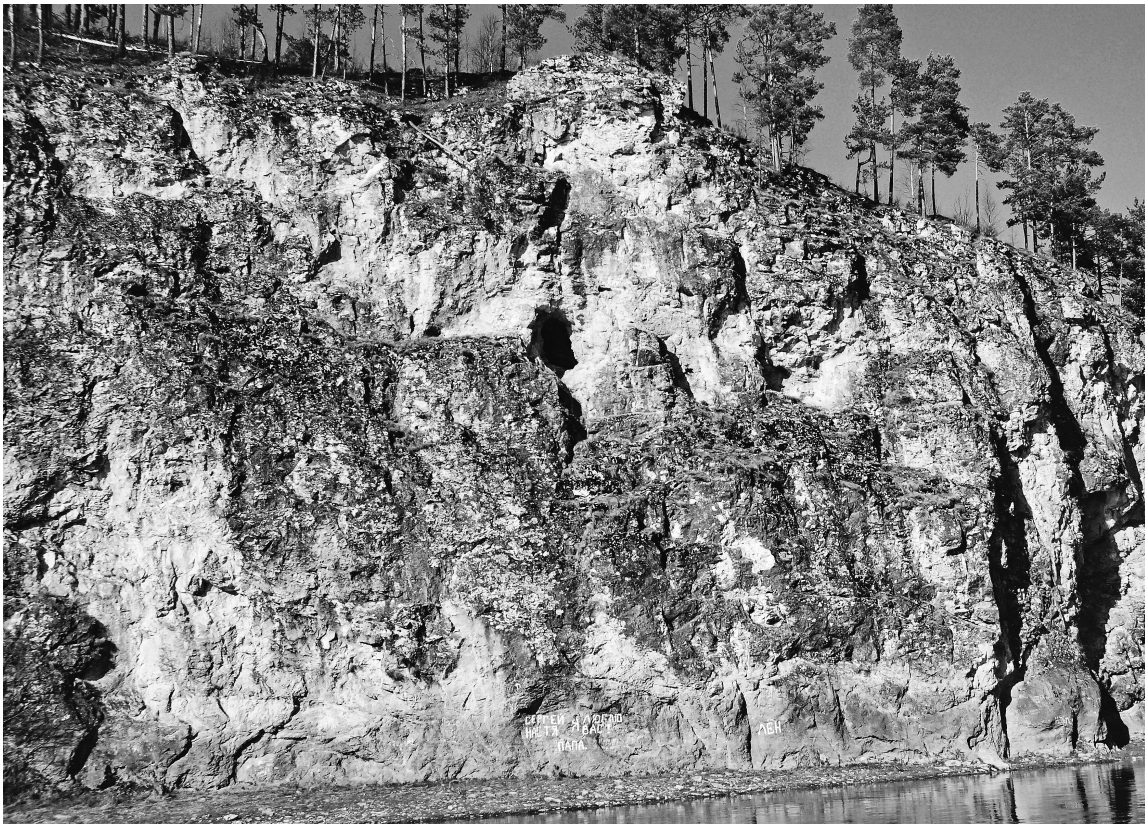
Памятник Ермаку в Кунгуре

Храм демиурга

Несомненно, что Ермак здесь был. Этот утёс стоит на его пути по Чусовой, и археологи на речке Ермаковке у подножия утёса нашли обрывки кольчуги XVI века. Но почти всё, что народ рассказывает здесь о Ермаке, — выдумка.

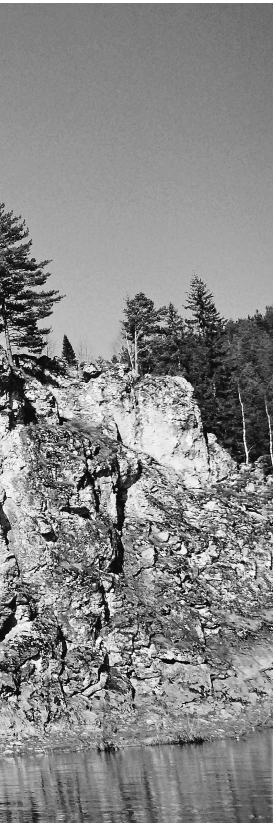
Береговые скалы на Урале называют камнями. Эта скала — камень Ермак. Его высота — 38 метров. В 22 метрах от воды чернеет жерло недоступной Ермаковой пещеры. Пещера маленькая: по размеру — как салон микроавтобуса. Но легенда загнала в эту пещеру двести казаков и заставила их здесь зимовать, хотя отсюда до Чусовского городка — пять дней пути.

У легенд вообще своя логика. В легендах эта пещера огромна, и в ней спрятан клад. А Ермак и вовсе не уходит отсюда: он живёт в пещере и грабит купцов. К лиственнице на другом берегу реки у него привязана цепь.



Когда проплывает купеческий пароход, Ермак натягивает цепь и опрокидывает судно. Царь посылает на Ермака огромное войско. Солдаты с пушками окружают скалу. Тогда Ермак выбрасывается из пещеры и тонет в Чусовой. Вот так.

Нереальность преданий самоочевидна, но об этой скале писали поэты и писатели — начиная с Кирши Данилова, тагильского сказителя XVIII века. Эту скалу непременно упоминают историки Ермакова похода, хотя скала не сыграла в нём никакой роли. Здесь на верёвках постоянно висят альпинисты, рвущиеся попасть в пещеру, хотя чего тут искать? Даже в старину чусовские сплавщики «железных караванов» непременно снимали перед скалой шапки и крестились, хотя для их барок здесь не было опасности. Почему?



Ермак — демиург, создатель русского Урала. Эта скала на Чусовой — природный храм Ермака. Здесь всегда поминают Ермака, уточняя собственную идентичность. Вместо обряда — альпинистские упражнения

Потому что Ермак для Урала — даже больше, чем культовый герой. Он был везде и везде побеждал татар, он зимовал во всех пещерах, он насыпал валы всех городищ. Ермак — демиург, создатель русского Урала. Эта скала — его храм. Здесь всегда поминают Ермака, уточняя собственную идентичность. Никакая другая скала на пути Ермака не удовлетворяет идентичности настолько же полно.

Маршрут похода Ермака определил зону дальнейшего освоения Урала русскими. А судьба Ермака, выстроенная им самим с полным осознанием её сути, определила нравственность уральца с базовым принципом «*выбора неволи*».

Но мало того. Жизнь и личность Ермака через фольклор сформировали уральскую «модель человека» — *Мастера*. Эта «модель» обретёт законченный вид в образе камнереза Данилы из сказа Бажова. Как Даниле потребовалось уйти в Медную гору, так и Ермаку потребовалось иметь свою пещеру — путь к древним, подземным, языческим смыслам Урала. Скала стала храмом Ермака из-за пещеры, недоступной простым людям. Но и дорога Ермака — Чусовая — тоже, в общем, река подземная. А точнее — «сквозь-земная».

Река Ермака

Советские путеводители восторженно охали: «Чусовая — единственная река, пересекающая Уральский хребет!» Во-первых, это не так, во-вторых, реальной пользы в том — ноль. Пересечение хребта для Чусовой имеет не практическое, а мистическое значение. В мистическом плане Чусовая — словно тоннель, проложенный под горами. Он даёт выход к свету древним, подземным, языческим смыслам Урала. То есть выводит глубинную суть в актуальность.

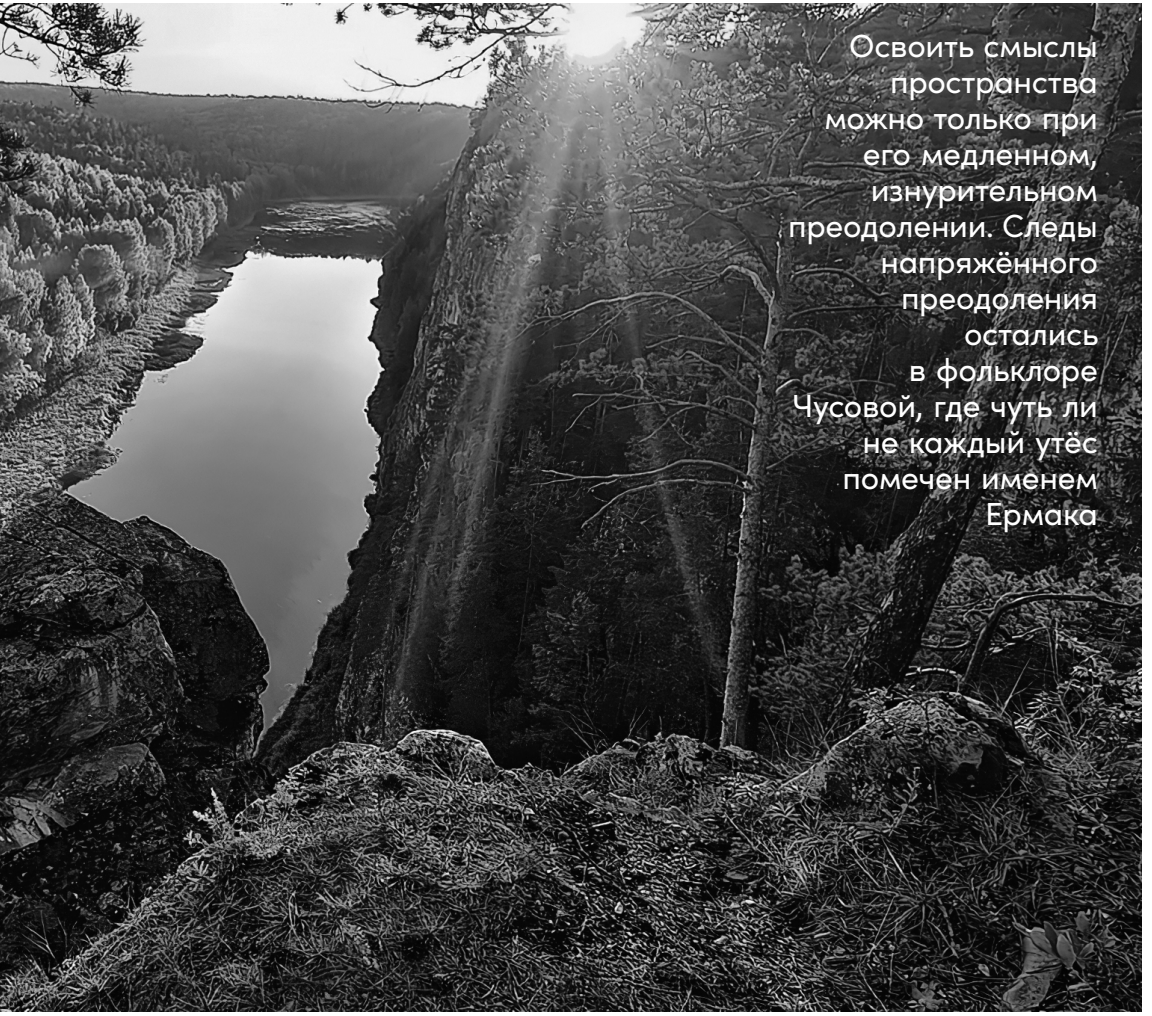
Загадка географической аномалии Чусовой в том, что возле города Ревда под горой Волчихой Чусовая пересекает границу Европы и Азии — линию водораздела. Разумеется, абсолютная высота истока превышает абсолютную высоту устья; Чусовая не течёт вверх, нарушая законы физики. Но так вот хитро пролегла через хребет извилистая долина реки, что невозможное кажется возможным.

В средней части своего течения — на хребте Урала — Чусовая с обеих сторон обставлена скалами: то высокими, то не очень. Никаких стремнин и порогов на Чусовой нет. Есть глубокие неподвижные плёсы, есть мощные быстротоки, есть широкие перекаты воробью по колено. Но идти против течения — адский труд.

Казачью флотилию составляли двадцать-тридцать стругов. Здесь им не помогали паруса, как на просторах Волги. Казаки гнулись на вёслах, загребая лопастями донные камни, или тянули свои струги бечевой, обдирая днища. Спустя триста лет колёсные пароходы на Чусовой попробуют повторить

казачий подвиг, закоптят полнеба дымом паровых машин, вывихнут колёса и обессиленно скатятся вниз.

А казаки прошли. Освоить смыслы пространства можно только при его медленном, изнурительном преодолении. Следы напряжённого преодоления остались в фольклоре Чусовой, где чуть ли не каждый утёс помечен именем Ермака. На камне Гребешок — ещё одна пещера атамана и ещё один клад. Под камнем Красным казаки впервые увидели



Освоить смыслы пространства можно только при его медленном, изнурительном преодолении. Следы напряжённого преодоления остались в фольклоре Чусовой, где чуть ли не каждый утёс помечен именем Ермака

вогула. Под камнем Шайтан вогулы услышали выстрел из пищали и решили, что это — лай шайтана. И так далее.

В символике Ермакова похода рывок вверх по Чусовой не менее важен, чем взятие сибирской столицы. На Иртыше казаки штурмовали крепость врага, а здесь — твердыню смысла. И смысл соразмерен труду, затраченному на его постижение. Смысл заключён в ответе на главный вопрос похода: зачем казакам, вольным людям, горбатиться на такой каторге?

Зачем? Для наживы? Проще добыть её грабежом. Для Строгановых? Плевать на них. Для Руси? Так они разбойники, а не богатыри. Для спасения? Так шиш найдут их воеводы. В общем, поход Ермака выглядит иррациональным. Потому что он объясняется только на том уровне, который выше бытового и выше политического. Восхождение к гребню Урала было подъёмом к высоте смысла. На Чусовой — разгон, на реке Серебряной — взлёт.